

ШАННАРА

МЕЧ ШАННАРЫ

ЭЛЬФИЙСКИЕ
КАМНИ ШАННАРЫ

ПЕСНЬ ШАННАРЫ

ТЕРРИ БРУКС

эльфийские камни
ШАННАРЪ

МОСКВА
2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

Terry Brooks
THE ELFSTONES OF SHANNARA
Copyright © 1982 by Terry Brooks.

This translation is published by arrangement
with Ballantine Books, an imprint of Random House,
a division of Penguin Random House LLC

В оформлении переплета использован рисунок
Вячеслава Коробейникова

Брукс, Терри.

Б89 Эльфийские камни Шаннары / Терри Брукс ; [пер.
с англ. Т. Ю. Покидаевой]. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 512 с.

ISBN 978-5-699-87106-3

Давным-давно обрушилась на мир Четырех земель великая война между Добром и Злом, и эльфы одержали в этой войне победу. Тогда-то и появился Запрет — черная стена, за которую были заключены демоны. Для охраны Запрета древние маги создали волшебное дерево Элькрис, несущее в себе энергию самой земли. Легенда гласит: пока дерево живет, силы Тьмы не вырвутся на свободу, и все уверены, что так будет продолжаться вечно. Но проходят века, и чудесное дерево умирает... Вилу, внуку Ши Омсфорда, прославившего свой род тем, что он добыл меч Шаннары и избавил землю от повелителя колдунов, выпадает честь возродить волшебное дерево и избавить мир от нового нашествия демонов. Обо всем этом и повествуют «Эльфийские камни Шаннары» — вторая книга великолепной эпопеи Терри Брукса.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Т. Покидаева, перевод на русский язык,
2016

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-87106-3

Барбаре с любовью

Глава 1

Ночное небо начало светлеть на востоке, когда избранники вошли в Сады Жизни. Жители Арборлона, главного города эльфов, еще спали в своих постелях, но для избранников день уже начался. Теплый летний ветерок развеивал их белые плащи. Избранники прошли мимо суровых и неприступных Черных стражей, которые застыли у кованых железных ворот, украшенных пластинами слоновой кости; на арке ворот были начертаны серебряные руны. Люди в белых плащах шли быстро, и только их приглушенные голоса да скрип сандалий по гравию нарушали утреннюю тишину.

Избранники были хранителями Элькрис — волшебного дерева, что стояло в самом центре Садов, дерева, которое, как говорили легенды, защищало эльфов от изначального зла, едва не погубившего мир много веков назад, зла, изгнанного за пределы земли незадолго перед появлением рода людей. С того самого времени избранники служили Элькрис. Эта традиция передавалась из поколения в поколение — традиция служения, к которой эльфы относились как к высокой чести и почетному долгу.

Но в процессии, что шла этим утром через Сады Жизни, благоговейный трепет перед обрядом почти не чувствовался. Прошло уже двести тридцать дней годового служения этих шести юношей, и первоначальная торжественность и восторженность уступили место добросовестному исполнению обязанности: приветствовать дерево при первых лучах восходящего солнца.

Только рыжеволосый Лорен, младший из них, хранил молчание. Он шел последним, не принимая участия в беседе, и на его хмуром лице отражалось напряженное раздумье. Он был так погружен в себя, что даже не заметил, как разговоры впереди внезапно оборвались, и очнулся, лишь когда кто-то тронул его за плечо. Лорен поднял озабоченное лицо и увидел Джейса.

— Что случилось, Лорен? Ты не заболел? — Джейс был на несколько месяцев старше остальных, и поэтому все признавали его главным.

Лорен покачал головой, но выражение озабоченности осталось на его лице.

— Я здоров.

— Но тебя что-то беспокоит. Ты все утро какой-то задумчивый. Точнее, ты такой с вечера. — Джейс посмотрел эльфу в глаза: — Ты можешь уйти. Никто не требует от тебя исполнения службы, если ты нездоров.

Лорен поколебался, затем со вздохом кивнул.

— Ну ладно. Это из-за Элькрис. Вчера, уже на закате, когда мы уходили, я видел какие-то пятна на листьях. Они как будто завяли.

— Завяли? Ничего подобного никогда не случалось с Элькрис, по крайней мере так нам всегда говорили, — с сомнением произнес Джейс.

— Я мог ошибиться, — согласился Лорен. — Уже темно. Тогда я подумал, что, может быть, это тени. Но теперь мне кажется, что листья все-таки сохнут.

Среди избранников пронесся смущенный ропот, затем один из них сказал:

— Это все из-за Амбель. Я с самого начала говорил, обязательно что-нибудь случится, если женщина станет избранником.

— Были и другие избранники-женщины, и ничего плохого не происходило, — возразил Лорен. Ему всегда нравилась Амбель. С ней было так приятно и легко говорить, хотя она и была внучкой короля Эвентина Элесседила.

— Последний раз — пятьсот лет назад, Лорен.

— Ладно, хватит,— вмешался Джейс. — Мы же решили не говорить об Амбель. Все знают почему. — Он помолчал, обдумывая слова Лорена, затем продолжал: — Очень печально, если что-нибудь случится с Элькрис. Но в конце концов ничто не вечно на земле.

У Лорена перехватило дыхание.

— Но, Джейс, ведь если дерево ослабеет, Запрет потеряет силу и демоны вырвутся...

— Ты что, и вправду веришь в эти сказки, Лорен? — засмеялся Джейс.

Лорен во все глаза уставился на старшего.

— Как ты можешь быть избранником и не верить?

— Когда меня избирали, меня не спрашивали, верю я или нет. А что, тебя спросили?

Лорен отрицательно покачал головой. Кандидатов в избранники не спрашивали ни о чем. Их, молодых эльфов, достигших совершеннолетия, просто приводили к дереву. На рассвете нового года они проходили под его ветвями, останавливаясь на секунду. Те, кого дерево касалось ветвями, становились избранниками на этот год. Лорен как сейчас помнил переполнившее его чувство гордости и восторга, когда тонкая ветвь Элькрис склонилась к нему, коснулась его плеча и он услышал, как дерево назвало его имя.

И еще он помнил всеобщее изумление, когда было названо имя Амбель.

— Это только сказка для пугливых детишек,— продолжал Джейс. — По-настоящему Элькрис служит всего лишь напоминанием, что мы, эльфы, как и она, пережили все, что было в истории Четырех земель. Элькрис — символ нашей силы, Лорен, и ничего больше.

Он отвернулся, давая знак остальным следовать за ним. Лорен снова задумался. Пренебрежение старшего к древней легенде расстроило и смутило его. Правда, Джейс был горжанином, а Лорен давно заметил, что жители Арборлона не слишком серьезно относятся к старинным преданиям в отличие от жителей маленькой северной деревушки, из которой он родом. Но предание об Элькрис и о Запрете не

просто легенда — это поистине величайшее событие в истории эльфов, основа всей их жизни.

Это случилось очень давно, еще до рождения нового мира. Была великая война Света и Тьмы, добра и зла, война, в которой эльфы одержали трудную победу. И пока дерево стоит, демоны не смогут появиться снова.

Пока дерево стоит...

Лорен в сомнении покачал головой. Может быть, вянувшие листья были просто игрой его воображения? Или игрой света и тени? А если нет, они должны найти лекарственное снадобье. Всегда есть что-то, что может помочь.

Мгновение спустя эльфы подошли к дереву. Лорен нерешительно поднял глаза и с облегчением вздохнул. С облегчением, потому что Элькрис не изменилась. Ее серебристо-белый ствол устремился в еще темное предзакатное небо, тонкие длинные ветви скрывались под шапкой пятиконечных кроваво-алых листьев. По корням дерева, как изумрудные потоки, стекающие с гор, разбегались полосы зеленого мха. Ни единой трещинки на стволе, ни одна ветка не повреждена.

«Как она прекрасна», — подумал Лорен и снова внимательно осмотрел дерево.

Ни единого намека на болезнь, которой он так боялся.

Все направились за инструментами, необходимыми для ухода за волшебным деревом. Лорен двинулся было следом, но Джейс удержал его:

— Хочешь, сегодня ты будешь приветствовать ее?

Лорен, заикаясь от изумления, поблагодарил. Видимо, желая как-то ободрить его, Джейс доверял младшему избраннику самую почетную и важную часть служения.

Лорен встал под распростертыми ветвями. Все остальные расположились чуть поодаль, готовые начать церемонию утреннего приветствия. Юный избранник положил руки на гладкий ствол и поднял голову, глядя в небо, в ожидании первого солнечного луча.

Но вдруг он резко отпрянул. Прямо над головой он заметил листья, потемневшие от пятен. Сердце Лорена упало.

Явные следы увядания бросались в глаза, и игра света и тени была здесь ни при чем.

Он в ужасе бросился к Джейсу, делая знаки остальным подойти поближе. Обычай запрещал им разговаривать во время церемонии, но Джейс и без того не смог бы произнести ни слова от изумления, увидев, как сильно повреждено дерево. Вдвоем с Лореном они медленно обошли Элькрис, находя повсюду такие же пятна: некоторые еле заметные, другие настолько темные, что скрыли даже кроваво-красный цвет листьев.

Хотя Джейс и притворялся, что не верит легендам о дереве, он был потрясен, и, когда отправился посоветоваться с товарищами, на лице его отразился страх. Лорен тоже хотел было присоединиться к ним, но Джейс решительно замотал головой, взглядом указывал на дерево, верхних ветвей которого уже почти коснулся свет нового дня.

Лорен вернулся к дереву. Что бы ни случилось, избранник должен приветствовать Элькрис при первых лучах солнца. За все время существования их ордена этот обычай ни разу не был нарушен.

Он медленно возложил руки на серебристый ствол. Слова старинного приветствия уже готовы были слететь с его губ, как вдруг тонкая ветвь волшебного дерева склонилась и коснулась его плеча.

— ЛОРЕН...

Юноша вздрогнул, услышав свое имя. Но все молчали. Звук рождался внутри его самого, чуть более яркий, чем обычная мысль.

Это Элькрис!

Он затаил дыхание и осторожно повернул голову к ветви. Смятение охватило его. Всего один раз она говорила с ним, в день избрания. Тогда она только назвала его имя; тогда она всех назвала по имени и больше с ними не говорила. Никогда. Только с Амбель, но Амбель уже не была в числе избранников.

Лорен быстро взглянул на своих товарищей. Они удивленно смотрели на него, недоумевая, отчего он медлит. За-

тем ветвь на его плече вздрогнула, скользнула ниже и как бы обняла его за плечи. Лорен непроизвольно вздрогнул от ее прикосновения.

— ЛОРЕН, ПОЗОВИ ВСЕХ КО МНЕ.

Слова-образы возникли и почти мгновенно пропали. Он нерешительно повернулся к избранникам. Они приблизились, вопросительно глядя на дерево. Ветви Элькрис склонились и обвили каждого, голос ее зазвучал в них тихим шепотом:

— СЛУШАЙТЕ МЕНЯ. ЗАПОМИНАЙТЕ МОИ СЛОВА. НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ МЕНЯ...

Избранники похолодели. Сады Жизни внезапно погрузились в такую глубокую тишину, как будто все вокруг вымерло.

В сознании избранников, стремительно сменяя друг друга, пронеслись образы. Едва различимые, они были полны ужаса. Если бы это было возможно, избранники непременно бежали бы, но дерево крепко держало их; образы продолжали наплывать друг на друга, а ужас — нарастать.

Наконец Элькрис умолкла, отпустила их, ветви взметнулись вверх, к солнечному свету и теплу.

Лорен стоял в оцепенении, слезы текли по его щекам. Усталые, разбитые, избранники растерянно переглядывались.

Старинная легенда не была сказкой. Силы зла действительно находились под властью Запрета, и Элькрис хранила его. И тем самым хранила эльфов.

А теперь она умирала.

Глава 2

Далеко на востоке от Арборлона, за Разломом, неприступной горной грядой на северной границе Западных земель, в воздухе происходило странное движение. Нечто бесформенное, черное, чернее предраассветной тьмы, кор-

чилося и содрогалось под гнетом собственной мощи, стремящейся найти выход. На мгновение масса черноты обрела очертания, затем вновь рассеивалась. Стоны и крики ликования раздавались над горами. Временами когтистые лапы разрывали тьму изнутри, царапали и хватали воздух, напрягаясь, тянулись к свету. Затем огонь охватил все пространство, и лапы отпрянули, скрылись в темноте, извиваясь в черном дыму.

Трясясь и шипя от ярости, Дагдамор выступил из темноты. Посох Власти пылал алым светом в его руках, когда он пробирался к пролому, давя и отбрасывая более слабых сородичей. Вплотную к нему — два темных силуэта, Жнец и Маска. Прочие демоны, пронзительно визжа, ринулись было за ними, но края разрыва быстро сомкнулись, и странная троица осталась в одиночестве.

Дагдамор настороженно осмотрелся. Они стояли в густой тени Разлома, по ту сторону неприступных гор уже всюду пылал рассвет. Остроконечные вершины отбрасывали длинные тени в туманную пустоту Седых низин — суровую, безжалостную пустыню, где жизнь измерялась лишь минутами, иногда — часами. Все замерло без звука и движения.

Дагдамор ухмыльнулся, сверкая кривыми зубами.

Ну что ж, хорошо, ему удалось прийти незамеченным. Он снова свободен! После стольких лет ему все же удалось вырваться.

Издали он вполне мог бы сойти за человека. В сущности, он и воплотился как человек: стоял на двух ногах, разве что руки чуть-чуть длиннее обычного. Он сильно сутулился, тяжелый горб затруднял его движения, но не из-за горба носил Дагдамор широкий черный плащ. Он прятал ключья зеленоватых волос, покрывающих его тело и похожих на пучки колючей травы. И чешую на руках и ногах. И звериные когти. И лицо, неуловимо напоминающее кошачью морду. И глаза, черные и блестящие, обманчиво спокойные: безмятежные озера, скрывающие в своей глубине нечто злобное и разрушительное — истинную сущность Дагдамора. Он не был человеком. Он был демоном.

И демон ненавидел. Ненависть его была сродни безумию. За сотни лет в крошечной тьме за стеной Запрета ненависть выросла и окрепла. И полностью поглотила его. Он жил только ею, только ею питался; она давала ему силу, и эту силу он собирался обрушить на ненавистных эльфов, причинивших ему столько страданий. Сокрушить, уничтожить всех до единого! Но теперь ему и этого было мало, теперь, когда он столько веков провел в бесчувственной тьме тягучей скуки и жалкого бездействия. Мало, чтобы искупить унижение. Теперь он уничтожит всех: людей, карликов, троллей, гномов — всех, кто живет в этом мире, который когда-то принадлежал ему.

Он ждал веками, заключенный за стеною Запрета, веря, что настанет день, когда Запрет утратит свою силу. И вот свершилось: Элькрис умирает. Какая радостная весть! Ему хотелось кричать на весь мир: она умирает! Умирает и больше не может хранить силу Запрета.

Ненависть вспыхнула в нем. Посох Власти в его руках накалился докрасна. Земли под ногами обуглилась, и лишь мучительным усилием Дагдамор сдержал себя. Посох снова остыл.

Конечно, необходимо время, чтобы полностью разрушить Запрет. Ведь даже этот крошечный пролом в стене тьмы потребовал чудовищного напряжения. Но Дагдамор обладал силой, и сила эта давала ему власть над другими, пока еще заключенными в черной пустоте. Он был их повелителем, он управлял их полчищами одним своим словом. За века лишь немногие решались открыто противиться ему. Он их уничтожил, и это послужило отличным уроком для остальных. Теперь они подчинялись ему все. Все боялись его. И так же, как он, ненавидели эльфов. И так же, как он, жили единой мыслью о грядущем мщении. Ну что ж, скоро, очень скоро, они получат эту возможность — отомстить.

Но пока надо подождать. Надо потерпеть. Запрет с каждым днем будет слабеть, и, когда погибнет дерево, стена рухнет. Только одно может помешать этому — возрождение Элькрис.

Дагдамор прекрасно знал историю Элькрис. Родившись и увидев мир, она прогнала Дагдамора с земли во тьму безвременья. Он на себе испытал силу ее волшебства — волшебства, которое могло преодолеть даже смерть, и опасался, что его свобода может быть недолгой. Если кому-нибудь из избранников удастся отнести семя Элькрис к древнему источнику ее силы, дерево возродится и Запрет вновь обретет свою силу. Дагдамор знал это, и именно поэтому он был здесь. Именно поэтому он решился сломать барьер хотя бы на мгновение, чтобы выйти в мир. Он может проиграть, но риск был оправдан. Эльфы еще не скоро осознают истинную опасность. Они и не подозревают, что силы тьмы, сдерживаемые Запретом, могут вырваться на свободу до того, как стена рухнет. Они обнаружат свою ошибку слишком поздно. А уж он тем временем сделает все, чтобы Элькрис никогда не возродилась и Запрет вновь не обрел силу.

Для этого он и взял с собой этих двоих.

Он оглянулся, ища их глазами. Маску нашел сразу. Его помощник обладал неоценимым даром — тело его могло изменять форму и цвет, он мог воплощаться в любое живое существо: в небесах — ворон или ястреб, на земле — мышь, змея, паук, что угодно. Там, за стеной Запрета, он был всего лишь сгустком темноты. Здесь же, на земле, возможности его были поистине безграничны. Он мог принять облик любого существа: человека, зверя, птицы, рыбы. Даже сам Дагдамор не мог с уверенностью сказать, каково истинное лицо Маски. Последний, в сущности, никогда и не являлся в своем подлинном обличье; постоянно копируя другие жизненные формы, он всегда был чем-то или кем-то, только не самим собой.

Эгоистичный и полный ненависти, Маска наслаждался собственной многоликостью, наслаждался возможностью причинять зло. Он ненавидел эльфов за их бережное отношение ко всему живому. Маленькие существа, населявшие мир, ничего не значили для Великого Обманщика. Они были слабы и ни на что не годились, кроме как служить